

Радие

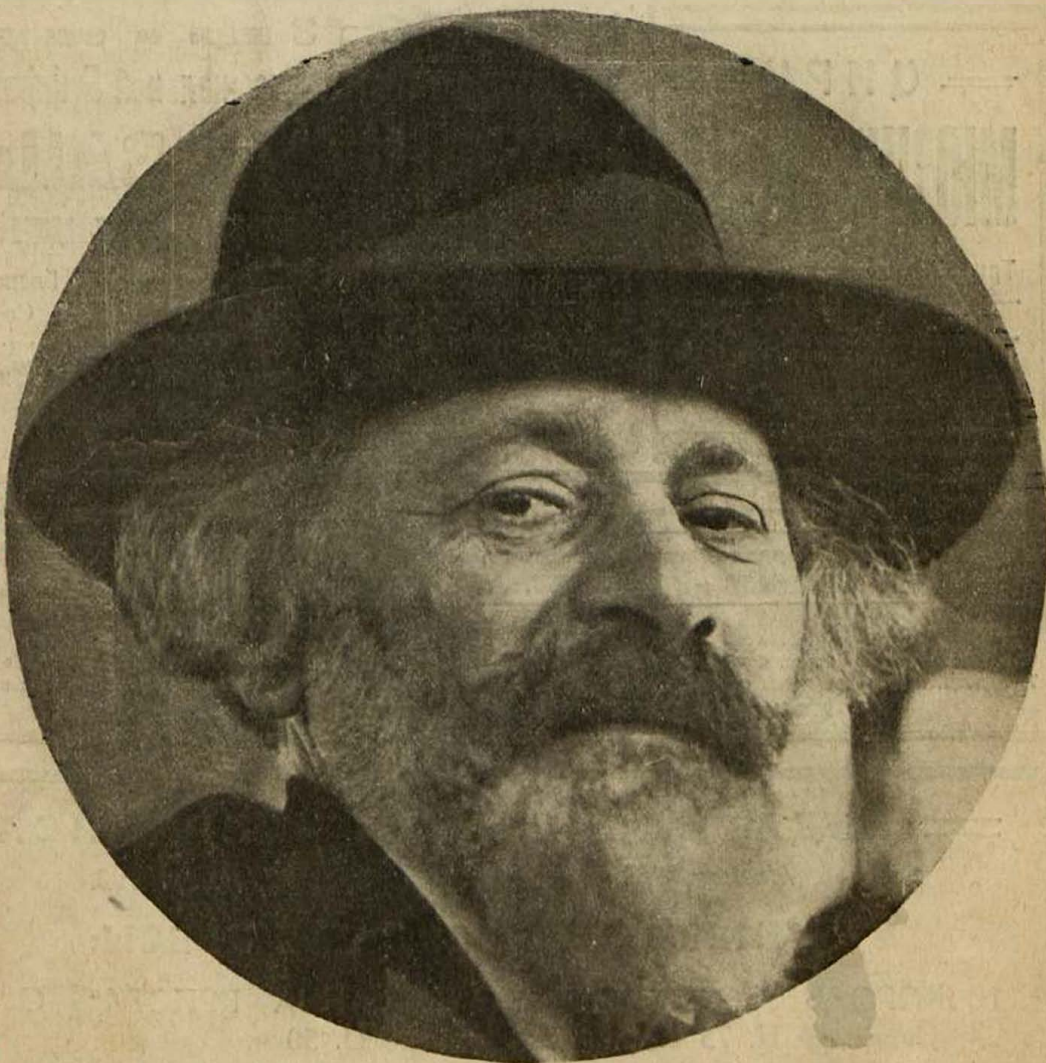
Театр Кино Цирк Жезрада

№ 15 (57)

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

26. IV. 1927

СКУЛЬПТОР Н. Л. АРОНСОН
К ЕГО ПРИЕЗДУ В МОСКВУ

Музыка Иза Фрога

ЧЕХОВ НА ГАЛЕРКЕ ТАГАНРОГСКОГО ТЕАТРА.

Город Таганрог отметил столетие существования своего театра. Сто лет провинциального театра — значительный фактор культурной жизни страны. У нас мало писали о прошлом провинциальных сцен. Эта сторона театральной истории разработана менее всего. Кое что знаем мы о Казанском прошлом, есть брошюры об Орловской театральной старине, существуют рассказы о первоначальных годах Нижегородского театра — и вот, кажется, все.

Юбилей Таганрогского театра заставляет невольно обратить внимание на существеннейший пробел в области театроведения.

Лучшей драматической труппой конца 70-х годов (это пора последних лет Таганрогской славы, когда Таганрог уступал первенство Ростову, а порт его терял всякое торговое значение) — справедливо считалась труппа антрепренера Новикова. Эти Новиковские сезоны историк театра должен будет отметить с особенным вниманием: спектакли Новикова были первыми спектаклями «настоящего» театра, которые посещал гимназист 7 и 8 класса Антон Чехов. Театральное детство автора «Чайки» протекало на галерке Таганрогского театра.

Чехов жил тогда в Таганроге один: вся его семья переселилась в Москву. Оковы суровой домашней опеки распались и Антон Павлович, зарабатывающий собственные деньги репетиторством, широко пользовался всеми прелестями свободы. Театр был одним из самых ее заманчивых благ.

Брат Антона Павловича — ныне уже покойный Иван Павлович Чехов, оставил в своих воспоминаниях несколько любопытных подробностей, рисующих раннее увлечение Антона Чехова театром. Ходили гимназисты на галерку, к тому же, тайком, так как посещение театра, в особенности в будничные дни, преследовалось начальством. Чтобы не быть узнанным педедем — надзирателем Антон Павлович даже гриммировался, как уверяет его школьный товарищ А. Дроси. Во всяком случае в театр забирались спозаранку. На галерку вела узкая деревянная лестница, на ступеньках которой сидела галерочная публика, терпеливо ожидающая заветной минуты — открытия дверей. Места были нумерованные, и, чтобы захватить лучшее приходилось дежурить часов с 6 вечера. Потом вся толпа с гиком неслась наверх и, толкаясь, занимала первый ряд. «Театр был совершенно пуст и неосвещен. На всю громадную черную яму горел только один газовый рожок».

Но с галерки получил Антон Павлович скоро доступ и за кулисы театра. Его гимназическим товарищем был Яковлев (в будущем известный актер, умерший в Москве в 1908 году) — сын премьеры Новиковской труппы, трагика Яковлева, через него то и попал Чехов за кулисы. Тут он впервые встретился с Н. Н. Соловцовым, которому и посвятил затем водевиль «Медведь».

Что же видел в Таганрогском театре Чехов — будущий отрицатель «театральщины»? Чаще всего мелодрамы: «Ограбленную почту», «Убийство Коверлей» и проч. Потом «Гамлета». И всевозможные развеселые комедии — водевили, вроде «Мамынкиного сыска»... Посещал он и оперетту, весьма увлекаясь «Прекрасной Еленой».

Все эти черточки не должны пройти мимо биографа Чехова. Ранние впечатления Чехова, вынесенные им от театра, еще темного и смутно

освещенного, легли в основу «Лесбидной Песни», в которой трагик Светловидов так поражается видом пустой театральной залы ночью. В «Чайке» воспоминания старого театрала Шамраева о мелодрамах (в одной из них случилась у актера оговорка — надо было сказать «мы попали в западню», а кто-то сказал: «мы попали в запендю») навеяны, конечно, воспоминаниями самого Чехова об «Ограбленной почте».

Разумеется, пересмотрел тогда Чехов и весь современный репертуар того времени: драмы Шпагинского, Невежина и Дьяченки. Их влияние сказалося на той первой его большой пьесе, которая только 2 года тому назад была извлечена из архива под названием «Неизданной пьесы».

Водевильный репертуар, в свою очередь, отразился на ранних опытах Чехова драматурга. Его первая шутка для театра, им самим уничтоженная, была написана в форме водевиля и называлась «О чем курица пела».

Знакомство с Новиковской труппой, в которой в те годы еще служили последние эпитоны из породы Несчастливых и Счастливых, дало Чехову богатейший материал для ранних его юмористических рассказов из жизни актерской богемы. Все эти антрепренеры Галамидовы, комики Фениксовы-Дикобразовы, первые любовники Поджаровы и актрисы Дольские-Каучуковы, конечно, из галереи тех персонажей пестрого театрального мира, с которым впервые столкнулся Чехов именно в Таганроге. Неслучайно, что и Аркадина в «Чайке» цитирует «Гамлета»: «Трагедия о принце Датском», как мы уже знаем, одна из любимых пьес юного Чехова.

А затем, отрицание театра, этой «сыпи дурной болезни городов», и требование новых форм как реакция против пьес, в которых рассказывается о том, как люди спят, едят и носят свои пиджаки.

И юношеские впечатления, еле освещенного газовым рожком еще пустого театра, стираются: в «Даме с собачкой» — меткое и злое описание провинциального театра в вечер премьеры юной оперетты: «театр был полон. И тут, как вообще во всех губернских театрах, был туман повыше люстры, шумно беспокоилась галерка; в первом ряду перед началом представления стояли местные франты, заложив руки назад; и тут, в губернаторской ложе, на первом месте сидела губернаторская дочь в боа, а сам губернатор скромно прятался за портьерой, и видны были только его руки. Качался занавес. Оркестр долго настраивался».

Страстный любитель театра — гимназист «Чехов Антон» вырастал в отрицателя отживающих форм театральной жизни.

Замечательно, однако, что в последней своей пьесе — в комедии «Вишневый сад» — он решительно делал поворот в сторону театральности.

О Чехове недавно вспоминали на юбилее Таганрогского театра. Он подлинно — театр юного Чехова. В наших же юбилейных строках есть и другой мотив, столь же законно сближающий Таганрогский театр с Чеховым. Это мотив требования нового пересмотра традиционного взгляда на Чеховскую драматургию.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.